

Но тогда встает вопрос: почему автор повести, решивший связать свой вымысел с фактом гибели царевича, тут же кладет между этим фактом и действием своей повести расстояние в два года? Встает и более серьезный вопрос, как увязать слова «царь . . . уразуме, яко сыну его . . . учинилась смерть от злых изменников» с содержанием повести?

Если были выявлены «злые изменники», виновные в гибели царевича, т. е. какие-то конкретные виновники, то почему «по росписи» стали хватать не их, а ни в чем не повинных представителей служилых сословий и купцов? Весь смысл повести состоит в том, что на казнь хватали невиновных, которым народ полностью сочувствует. Затем, после пролития крови нескольких безвинных, произошел случай, который заставил царя прекратить казнь. «Злые изменники», да и вообще вся эта история с царевичем, подрывающая с самого начала основной замысел повести и превращающая казнь из необоснованной в обоснованную, тут явно ни при чем. После такого начала вопрос Харитона Белоулина: «Почто царю великий неповинную нашу кровь проливаеши», — звучит странно. Речь в повести идет не о том, что вместо виновных за действительно имевшее место страшное злодеяние — убийство царевича по ошибке казнят других. Речь идет о казни без всякого реального и серьезного повода: «Людие же зряще, наипаче в недоумении быша, понеже никакие вины не ведуще». Народ не знал, в чем вообще дело, почему столько плах и палачей. Таким образом, выясняется, что слова о царевиче чужды содержанию повести в целом.

Посмотрим теперь, насколько органично они входят в текст повести. Обратим внимание на конструкцию начала повести. Мы увидим, что слова о царевиче (которые мы здесь даем в квадратных скобках) вставлены в середину даты и разрывают ее на две части: «В лето 7082-го [царь и великий князь Иван Васильевич уразуме, яко сыну его царевичю Ивану Ивановичю учинилась смерть от злых изменников и] на второй неделе, по пасце, во вторник, в утре, по указу великого государя, на Пожаре, среди Москвы» и т. д. Как видим, конструкция начала, если слова о царевиче изъять, отнюдь не теряет смысла и стройности, а, напротив, приобретает наиболее принятый вид, поскольку восстанавливается единство даты: «В лето 7082-го, на второй неделе, по пасце, во вторник. . .». Таким образом, предположение о том, что слова о царевиче являются поздней вставкой, является весьма реальным.

Можно легко представить себе, почему сюжет со смертью царевича был включен в повесть. Мы знаем, что во всех четырех дошедших до нас списках повесть находится в составе летописцев. Однако во всех четырех случаях это летописцы абсолютно различные, не имеющие между собой ничего общего. Отсюда следует, что наша повесть имела и самостоятельное, внелетописное происхождение и распространение. Значит, в момент включения повести в состав летописи должен был встать вопрос, куда же ее вставить, с каким историческим событием ее связать? Поскольку вопрос возник уже после смерти царевича, этот наиболее драматический факт эпохи Грозного вполне мог быть избран кем-то из первых летописцев, включивших повесть в качестве удачного сустава, с помощью которого было удобно сочинить ее с летописью. В нескольких поздних летописцах обнаружилось примечательное известие о казни Иваном Грозным в Москве, «на Пожаре», торговых людей. Примечательно оно тем, что в разных летописях блуждает по разным датам, пристегивается к разным событиям.⁶ Это обстоятельство указывает на то, что данное известие, как и повесть в своем первоначальном виде, имело также внелетописное происхождение,

⁶ ГПБ, собр. Погодина, 1406, л. 146; 1408, л. 127 об.; F IV 228, л. 74